

Кулиш Пантелеймон Александрович

Записки о Южной Руси

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П16

П16 **Пантелеймон Александрович К.**
Записки о Южной Руси: Часть 2 / Кулиш Пантелеймон Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 343 с.

ISBN 978-5-519-91737-7

ISBN 978-5-519-91737-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я думаю (говоря г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть вполне для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я пошелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ ней того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рпеутся вся обстановка записанныхъ мною рассказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдая съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой пѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ селѣ Л**** Пыратпскаго уѣзда. Я полюбилъ свою мастерскую во флигелѣ полуобитаемаго господскаго дома, полюбилъ людей, которые меня окружали, и все, что представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ уединеніи сдѣлался мнѣ такъ извѣстенъ, какъ будто я здѣсь и родился. Я жилъ въ селѣ Л**** въ теченіе лѣта, и вдругъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Всѣ эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Въѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дівчата* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подпрыгивали веселымъ лаймъ и едва отъ радости не откусывали мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтренны. Мнѣ часто случалось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько кидать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ страшныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человекъ богатый; по дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и пылѣвшему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комнатъ не отапливается; спаружки карнизы опадаютъ; крыша гниетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пропасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги-собаки и выводятъ щепковъ. Что будутъ дѣлать съ нимъ наследники, когда и пылѣшій достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда обсыпалась и покрывалась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда изъ своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художественныя снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собой ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ педѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Что мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщики семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытыя и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно падоудала намъ, вскакивала на столъ, таскала у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по кисей, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати-пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣсню.

Я страстно люблю пѣсни, особливо Малороссійскія. Для меня что—нибудь одно слушать—или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и при томъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ имеемъ, какой—нибудь одинъ легкій и педурной мотивъ и въ—слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертять по всѣ стороны; то освѣтлять его такъ, то такъ, займутъ всѣхъ слушателей, а въ—сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается*, иногда она *поется*. Пѣвецъ сидитъ за работою; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаетъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный нѣкимъ какимъ—нибудь обстоятельствомъ жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ее не узнаете. Его умъ, чувства, все тутъ запышетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я разскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Дивчата помещичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ—рядомъ, любятъ меня; и съ ними въ дружбѣ и приучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня постылась у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мною почти какъ

сь *пáрубкомъ*. Я у́халъ; хозяева дома себѣ у́хали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которая смотрѣли за работою дивчаты, именно за шптьемъ въ пальцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узоромъ по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой; а какъ душа душу чувствуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

Мой матішко, мой голубонько!
Якъ миші жити, якъ доживати?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачь. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и все поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилищъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивчата развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жарты и хохотъ, и уже *Мой матішко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтический уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плакать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова рождались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на патурѣ *хлопчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моеи рабочей комнатѣ и цапѣвалъ всякую вещь подъ свою кобзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно П. А.

Ригельманъ и Н. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергаться, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссiяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствiи паповъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномѣ, Прилуцкаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около ляррика. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. П. Г**** и другiе паны слушали думу. Ляррикъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейпой. Мнѣ поють; я записываю; я спрашиваю о томъ, о семъ, что относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, что вижу и слышу. Такъ проходитъ время до второго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленiе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щепятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, заголяетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватается съ вилокъ картофеля, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ правится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончилась обѣда. Дивчата оставляютъ въ сумерки господскую работу; жаргутъ до свѣчей между собой; иногда поднимутъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Накопецъ утихають, шьютъ *на себѣ* разныя разности и поють пѣсню за пѣсней.

Я провель, слушая ихъ и записывая пѣсни, пѣсколько вече-

ровъ. Наконецъ запасъ пѣсень въ швейпой истощился, и миѣ пришло на мысль припаяться тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивчаты: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконецъ, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАБѢ.

У гайхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ ихъ не було дітей. Отъ воші іі пішли на богомілля просіть Бѣга, щобъ давъ імъ Богъ дитя. Такъ Богъ и давъ імъ дочкѣ. Отѣ вона іі росте. А царевичъ у той часъ прихавъ на охоту, да іі пославъ свого парубка: »Піиді, будь ласкавъ, у ту хату попросіть води.«

Прійшовъ той парубокъ води просіть, ажъ та дитина плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця зъ очей. Мати забавила; засмієтця — такъ усякі квітки цвітуть. Той парубокъ віишовъ да іі каже: »Оттамъ, царевичу, я бачивъ дитину! якъ плаче — жемчугъ сиплетця, а якъ смієтця — такъ усякі квітки цвітуть.«

Той царевичъ пішовъ у хату, да знарѣше іі дрэжнить тую дитину, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця. Віиъ и просіть матері, щобъ забавила. Якъ же засмієтця, такъ и бачить царевичъ, що всякі квітки цвітуть.

Отѣ та дівчина росте, а царевичъ усе заїжджає, якъ на охоту приїде. Отъ вона іі віросла. Царевичъ и каже, що »оддай за мене, діду, дочкѣ.« А вона вже вишиває рушніки орлами.

А царь каже: »Де жъ такі тобі, сину, да мужичку брать!«

Тоді царевичъ якъ узівъ той рушнікъ, що вона вишила, да повізь до батька, такъ царъ ажъ руками сплеснувъ. Чи нічого жъ? »Женісь«, каже, »сінку, женісь!«

Отъ вінъ и оженивъ. Да всьє додому, а зъ нимъ була баба, а въ баби дочка. Отъ, ідучи царевичъ устанѣ щось-то тамъ устрѣлить, а баба познимала зъ сѣ все да іі повиклювала іі очи, да іі

упхнула єї въ яму, а дочку въ єї одѣжку її прибрала; такъ царевичъ и повізь замісь єї, не пізнавъ.

А коло тії ямки да пѣхворощі багáто росло; такъ якійсь дідъ прпійшовъ пѣхворощі рвать. Дивитця — дівка сидить у ямці, и передъ нею оттакá купа жемчугу, що вона сидючи наплакала; а очей нема.

»Візьми», каже, »менѣ, дідусю, и оцѣ памістечко заберіи.«

Отъ дідъ єї взявъ и памістечко забравъ да її привівъ додому. У діда дітєй не було, а баба є. Вона, та дівчина, каже: »Заберіи, дідусю, оцѣ памістечко въ торбишку да понеси у гóродъ продати; да якъ зостріє тебѣ баба якáсь, то ти їй не продавай, а скажи: »Оддай те, що въ тебѣ є.«

Отъ вінъ поієсь и стрівъ ту бабу.

Баба каже: »Продай памісто!«

»Купи.«

»А щó за єго?«

»Дай те, що въ тебѣ є.«

Вона їмү її дала одпо око.

Тоді та дівка її почала вишпівать, пзъ однимъ окомъ, рушникъ.

Изповъ дідъ поієсь памісто.

Баба зновъ: »Продай памісто, діду!«

»Купи.«

»Щó за єго?«

»Дай те, що въ тебѣ є.«

Вона її друге око оддала.

Дівка тоді ще її краще почала вишпівать.

Дідъ и каже: »Отъ у царя обідъ.«

А дівка їмү: »Піди, дідусю, на обідъ, да візьми глеччокъ да її мши попросни юшки.«

Да й почепила свого шиття діду рушникъ на ший.

Якъ побачивъ царевичъ у діда на шії рушникъ: »Відки ти, діду?«

»Я тамъ, царевичу, зъ хutora; да въ менѣ тамъ и дівчина проживає, такъ дай, будь ласкавъ, и їй чогó-небудь у сєї глеччокъ.«

»А рушпикъ, діду, де ти взявъ?»

»Да се я въ їмці дівку пайшівъ, такъ оцѣ вона й вишиває.»

А царевичъ уже пізнавъ по вишиванню. Тоді сказавъ заразъ візъ запрягті; поїхавъ да її пізнавъ її: »Се жъ вона, се жъ вона!» А тую бабцю дочку вівпровадивъ свипей паповать.

Оцѣ жъ п вся. Живуть п хлѣбъ жують, п постолѣмъ добрѣ вѣзять.

Между Сѣверно-Русскими п Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари п царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя п царевича ищутъ красокъ въ мужицкаго быта п избѣгаютъ сходства между сказочнымъ богатыремъ п тѣми людьми, которыхъ разсказчикъ видитъ вокругъ себя; напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки разсказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушпикомъ, который вышла живущая въ лѣсу дѣвушка, п изъ-за рушпика позволяетъ сыну на ней жепиться. У царевича въ услуженіи парубокъ, п царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ топомъ, которымъ обращается хорошій поселянинъ къ своему паїмьту: между ними небольшое разстояніе, п паїмьтъ, обзаведясь женой п хатою, можетъ самъ сдѣлаться что называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простопародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, п это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батымъ говорится:

Поможі намъ, Бѣже, городъ Кіевъ бороніти;

Дождемо Пѣршої Пречистої, будемо обѣдъ становіти.

Это не »почестный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на которомъ разыгрываетъ свою роль предъ князьями п боярами какой-

побудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дидъ съ разшитымъ узоромъ рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращается на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличительный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ смиреннымъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малороссійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удалства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и въ выкидываніи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоценности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себя государству, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокоивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою древностью, и нѣкоторые слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; по, по пословицѣ: *Нѣз пісні слова не викидять*, народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываютъ вовсе.

Такихъ сказокъ разказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или чотиры. Изъ нихъ слѣдующая представляеть загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОВЪ УЖЪ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да царіица, и було въ ихъ три дочки. Ось царь заперѣжавъ да ѣй пославъ свою старшу дочку по воду. Вона ѣй пішла набратъ, ажъ ужъ: »А кукѹ?« говорить, »Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

А царівна: »Ні, не пійдѹ.«

»Ну, не дамъ же« , говорить, »и воді.«

Ось друга говорить: »Пійдѹ я! вінъ мнѣ дасть.« И пішла.

Ужъ їй: »А кукѹ! Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

»Ні« , говорить, »не пійдѹ.«

»Не дамъ же и воді.«

Вона вернулася и говорить: »Не дасть воді.« Каже: »Якъ пійдешъ за менѣ заміжъ, то дамъ.«

А менша говорить: »Я пійдѹ, вінъ мнѣ дасть.«

Пішла, — ужъ и до сѣбѣ каже: »А кукѹ! Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

»Пійдѹ« , говорить.

Отъ вінъ и набравъ їй водіи изъ самаго дна, холодної, свіжої. Вона принесла додому, напоїла батька, — батько ѣй одужавъ.

Коли въ педілю поїздъ їде и говорить:

»Ой одчипий ворітечка,

Кацарівно!

Па що люба любовала,

Зъ броду воду вибрала,

Кацарівно!«

Вона зляклась, плаче да їде, одчиплю ворота.